

V. МЕЖДУ «ПЕСНЯРАМИ» И «БЕЛОРУССКИМИ ПЕСНЯРАМИ»

У КОГО ПРОВЕРЯЛИ ОТКАТЫ, А КОГО ЗВАЛИ НАЗАД

Так закончились для меня «Песняры». Во второй раз. И если в 1992-м хотелось всё отпустить поскорее, то теперь — наоборот: мы ведь только подготовились рвануть вперёд. Сразу же вспомнилось, как наивно просчитывали в моём офисе риски своего предприятия. Ведь всё оправдалось, буквально всё — только со знаком «минус» от наших ожиданий. Правда, теперь мне кажется, что ситуацию с расколом я принял спокойно. Наверное, и далеко не юный возраст помог, и опыт разрыва с «Песнярами» был. Наконец, водкой торговать за год я не разучился — значит, будет и Володе о чём в новом интервью сказать. Кстати, Алик Катиков до сих пор удивляется такому моему спокойствию — для него тогда мир рушился на глазах! Хотя объективно первые месяцы наш демарш ещё как давал о себе знать. Вот, скажем, моим последним директорским делом был приём аппаратуры (выходит, для Володи: мы на ней поработать не успели). И только уволились, как в ансамбль пошли проверка за проверкой: искали откаты, взятки. Конечно, впустую: ну какой может быть шахер-махер, когда за тобой под лупой следят? Заявления же Катикова и Аверина лежали под сукном у Мулявина до последнего. Он осознавал: без них, мощнейшей движущей силы современных «Песняров», да и без остальных его недавних ещё соратников коллективу конец. Надолго или нет, но стремился задержать ребят, отлично зная, что они искренне хотели работать в ансамбле. И когда Алику и Олегу начались звонки, им ничего не стоило вернуться к Мулявину, раз у Мисевича не получилось — послушали, мол, дурака. Но уходил-то ансамбль не к Мисевичу или Дайнеко, не к тому, у кого есть кресло начальника под задницей, а от хаоса в человеческих и организационных отношениях, который царил в коллективе. Конечно, и до нас были те, кто жаловался под рюмку на свою жизнь в «Песнярах», но кто пробовал изменить ситуацию? В общем, когда звонила Пенкина, её просто посылали. Володю слушали, но говорили: очнись, давай делать дело с нами, бери себя в руки, «завязывай». Понятно, что все остались при своём, но морально конфликт

этот был жесточайшим. Собственно, а бывают ли другие, когда известна цель борьбы?

ЧЁРНЫЙ ПИАР НИКТО НЕ ЗАКАЗЫВАЛ!

На эмоциях мы кинулись в прессу — дали интервью белорусской газете «Имя». А там и другие наши, российские, украинские журналисты принимали нас с распростёртыми объятиями: такой «жирный» скандал и сам плывёт в руки! Когда государство, считай, лишило нас имени, а жизнеспособный коллектив выбросило на улицу, я не постеснялся в газете назвать вице-премьера с полковничьими погонами старшиной (что издание слобрило коллажем: Мулявин в паре с Заметалиным — вот и все «Песняры»-1998). К накопившимся претензиям к Мулявину как худруку и директору выплеснули, не щадя, и нелюбезные вещи о нём. Ну а дальше неожиданно закрутился механизм чёрного пиара против Володи, за который даже платить или что-то заказывать не пришлось. Только отвечай себе то же самое, а то и поострее! Всё шло в линию: тогда ансамблю нужно было выбираться из кризиса (а отсутствие Мулявина — ещё какой кризис!) любыми средствами.

Другое дело, что мы с этой системой никогда не сталкивались, не понимали, насколько музыканты и их будущее могут зависеть от журналистов. Разве что Шурик Демешко из нашей компании уже имел опыт — подогрел интерес «жёлтой» прессы, когда раскрыл в Москве подноготную про «водку и баб» (такого добра не на интервью — на пару томов хватит фактов). А в период моего директорства в «Песнярах» ситуацию в ансамбле государственная пресса освещала «с надеждой на лучшее» (и это не мне лично плюс, а скорее самому государству, дававшему нам шанс проявить себя), артисты в интервью сор из избы не выносили, Мулявина или Пенкину напрямую не жалили. Правда, в частных изданиях уже мелькало слово «раскол». Ну а потом, когда обиды скопились, и немалые... Теперь, правда, начинаешь переоценивать то, в чём несколько лет назад был уверен, напрягаешься, когда в интернете свою фамилию встречаешь в старой публикации. Сразу думаешь: может, о некоторых личных моментах стоило деликатно промолчать, в крайнем случае говорить намёками (ведь это и Володе давало повод упрекнуть нас в каком-нибудь интервью, мол, поступили со мной неэтично)? С другой стороны, не до высоколобых дискуссий и не до деликатностей, когда тебя уничтожают, а то самое мулявинское «личное» привело к кризису. Жёстко, скажете? Но борьба за выживание другой не бывает. И окажись сейчас коллектив в ситуации тех лет, я ни слова не смягчил бы даже в острейших высказываниях. «Белорусские песняры» и возникли-то, когда мы через телевидение, через газеты обозначили

собственную самостоятельность и назвали её причины — «человеческий фактор». Так что каяться не в чем, да и в драку мы кидались не для того, чтобы нас, обиженных, пожалели и по-быстрому забыли. Причём я до сих пор твёрдо уверен: материалы в прессе помогли защититься в глазах общественности и избежать многих неприятностей.

«В БЕЛАРУСИ ВТОРЫХ “ПЕСНЯРОВ” НЕ БУДЕТ»

Нам сразу повезло: навстречу «раскольникам» пошёл Александр Литвинович, директор Белконцерта (государственного объединения, кстати). Ведь хорошие музыканты, тем более в готовом коллективе, на дороге не валяются: «Беру с удовольствием, пишете заявления, пока не сбежали». Ну а какая нам разница, где лежат трудовые книжки? В общем, с 11 ноября 1998 года в Белконцерте образовался хозрасчётный «Творческий коллектив под руководством заслуженных артистов Республики Беларусь Валерия Дайнеко, Игоря Пени и Владислава Мисевича». Громоздко звучит название, но не мог же Литвинович принять на работу вторых «Песняров» без соответствующих бумаг. Правда, этот «бэнд» из бывших участников госансамбля на срочных договорах так и не дал ни одного концерта. Причина? Чтобы нормально работать и не начинать всё сызнова, новую «лодку» надо было официально назвать «Песнярами». (Хотя охватывать концертами белорусские колхозы, как в конце 1960-х, можно и с таким трёхэтажным именем.) Мы даже сделали попытку в этом направлении ещё до поступления в штат Белконцерта. Но юристы Минского горисполкома, потупив глаза, не приняли нашу с Аликом Катиковым заявку на регистрацию общества с ограниченной ответственностью «Песняры» (не то что ансамбля!). Вроде наименования такого в реестрах нет, но ответ один: «Вы всё сами прекрасно понимаете». Ещё бы! Обратились к министру Сосновскому, который долго работал в горисполкоме, но и он не помог: «Даже не рассчитывайте: в Беларуси вторых “Песняров” не будет». Выходит, запрещающий жест пальчиком вице-премьера Заметалина нас не напугал, зато для чиновников стал руководством к действию.

ЧЕМ БОЛЬШЕ ЗАСЛУЖЕННЫХ, ТЕМ БОЛЬШЕ ПРАВ

Тем временем Саша Литвинович просил поскорее сделать какую-то бумагу о нашем названии. Ему пошли многозначительные звонки сверху в связи с приёмом оскандалившихся экс-«песняров»: мол, как они планируют работать и под каким именем? Обратились к юристам — нет оснований для отказа в регистрации имени «Песняры»: юридически поле свободно. Посоветовали нам попасть на приём к заместителю министра юстиции Беларуси, который вёл

вопросы авторского права. А он сразу спрашивает, сколько людей со званием будет в нашем коллективе. Оказалось, четверо заслуженных артистов БССР и Республики Беларусь: Дайнеко, Мисевич, Пеня да подписавшийся на это дело Демешко. Так вот, чем больше заслуженных артистов будет при подаче заявления, тем больше прав на название. Мы опешили: «А как же художественный руководитель?» Нам в ответ: «А причём здесь художественный руководитель?» Во-первых, такая категория при регистрации имени не учитывается, во-вторых, козь название нигде не зарегистрировано, мы все в одинаковой степени — основатели коллектива. Мало того: название гипотетически могли отдать любому лицу, которое первым бы подало соответствующее заявление. (После ухода из жизни Мулявина так случилось в России, когда всех опередили Борткевич с партнёрами, а в Беларуси одним росчерком пера «Песнярами» нарекли сборище никому не известных людей.)

Короче, замминистра юстиции, косвенно, но всё-таки подчинённый отставному полковнику Заметалину, на встрече подвёл черту: «Оформляйте письмо». В ответ мы должны были получить подтверждение, что препятствий в регистрации имени «Песняры» для данной группы заявителей не существует.

ОТКАЗАЛИСЬ ОТ НАЗВАНИЯ «ПЕСНЯРЫ». И НЕ ОТКАЗАЛИСЬ

После визита в Министерство юстиции начались метания. С одной стороны, никто в «Творческом коллективе под руководством заслуженных артистов» не сомневался: названия «Песняры» заслуживаем не меньше Мулявина и закон на нашей стороне. В то же время не хотелось вступать в очередной спор с Мулявиным и с государством: силы вымотаем, причём не факт, что результативно, а работать-то когда? Так и закружилась мысль: а может, чёрт с ним с этим названием? Пускай «Песняры» остаются Володе: в подарок, на память, в благодарность даже — как угодно. А мы сделаем своё — узнаваемое, как мостик к предыдущим годам, но другое. Так и родилось слово «белорусские» вдобавок к «песнярам». По-моему, эту идею озвучил Алик Катиков. Споров не было, других версий не помню, а лично я вариант «Белорусские песняры» активно поддерживал, даже настаивал на нём. Ну не бывает так, чтобы ещё вчера ребята играли в «Песнях» (год без Мулявина и с полными залами), а сегодня вдруг потеряли квалификацию. Да мне и сегодня кажется: это был лучший, самый удачный выход. Пусть и с долей плутовства: уточнили и без того ясный факт, что «Песняры» из Беларуси. (Это нам в пику и Володя Мулявин потом припоминал, мол, а какие ещё могут быть «Песняры»?) Но не от хорошей жизни наша хитрость: тут бы работать поскорее начинать и от скандалов уходить. По похожему

Памятник Мулявину на бульваре его же имени в Минске может стать местом притяжения и для минчан, и для нас, «песняров». Зайдите в скверик за минской филармонией — не пожалее. Скажем, осенью 2017-го мы собрались в таком составе: Валерий Дайнеко, Анатолий Щёлоков, Владимир Мулявин, друг «Песняров», боксёр, продолжительное время член сборной СССР, председатель Федерации бокса Республики Беларусь Дмитрий Тихомолов, Владислав Мисевич и Николай Пучинский. Фото: Павел Сорокин

в чём-то сценарию, кстати, разворачивалась на наших глазах история с названием фестиваля «Славянский базар»: когда москвичи зарегистрировали это имя, в Беларуси появился «Славянский базар в Витебске».

Имя обошлось в триста долларов

Когда к замминистра юстиции пришли второй раз, но с обновлённым названием, он, наверное, усомнился в нашем серьёзном настрое. Зачем усложнять? Вот же имя «Песняры» — бери да работай! Но и с «Белорусскими песнярами» нас ждала та же процедура: камень преткновения мы прикрыли, но он всё равно торчал. Короче, ходили по краю, повезло ещё, что высшее руководство заняло наблюдательную позицию. Правда, пока готовился ответ, формальности заинтересовали неугомонного вице-преьера. Вот только закон, объяснили ему в министерстве юстиции, на стороне четверых

заслуженных артистов, имеющих право называться не то что «Белорусскими песнярами», но даже и «Песнярами», раз государство в своё время не защитило бренд. «А чуть что, — шутили мы, ожидая очередные палки в колёса, — в запасе есть давний вариант с “Говорящими гитарами” из-под кровати московского администратора». Но всё обошлось, и мы получили заветную бумагу — отвоевали у государства имя. В Белконцерте нас сразу же (это было 28 ноября) перевели из «Творческого коллектива» в ансамбль «Белорусские песняры». Параллельно запустили процесс регистрации фирмы с таким же названием. Правда, радость от получения имени обошлась мне в последние триста долларов: летел издёрганый с министерским ответом и прямо возле памятника Якубу Коласу напротив филармонии въехал в крутой БМВ. Пришлось отдать его водителю всё, что было тогда в карманах.✱